

© 2001 г. Р.З. МУРЯСОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРАСТИВНОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Аспектуальность относится к наиболее распространенным в языках мира категориям и является, по мнению некоторых языковедов, более универсальной, чем даже категория времени [Lyons 1977; Маслов 1984; Бондарко 1983; 1987], причем эти две категории выступают обычно в виде сопряженного аспектуально-темпорального комплекса [РГ 1980].

При сопоставительном и типологическом изучении категории аспектуальности категория вида русского глагола может рассматриваться как своего рода лингвистический эталон, т.е. отправной точкой, основанием для сравнения (*tertium comparationis*), так как среди индоевропейских языков только в славянских, в особенности в русском, она находит свое последовательное грамматическое выражение. Категория вида определяется в РГ как "система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глагола совершенного), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида)" [РГ: 583]. Категория вида в русском языке занимает по отношению к другим грамматическим категориям глагола и всей парадигматической системе глагола доминирующее положение. Она является как бы *г и п е р п а р а д и г м о й*, предопределяющей и пронизывающей всю глагольную парадигматику, т.е. макропарадигму данной части речи. Если, например, инфинитив в русском языке находится за пределами глагольной парадигматики как таковой, т.е. он не охватывается, например, грамматическими категориями времени, модальности и т.д., то видовой формой охватываются все глаголы. В качестве структурного и семантического ядра данной категории выступает видовая пара, определяемая как "пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида: *делать—сделать, переписать—переписывать*" [РГ: 583].

Постулирование категории вида русского глагола в качестве некоего грамматического эталона не означает, что в лингвистической литературе существует непротиворечивое единое понимание как в определении уровня статуса, так и вопроса о том, какие семантические признаки составляют семантические инварианты грамматической оппозиции СВ: НСВ.

Несмотря на то, что вид, видовое противопоставление пронизывает всю глагольную парадигматику, степень ее грамматикализованности в теории аспектологии оценивается неоднозначно. Причиной тому является, прежде всего, многосложность и противоречивость самого исследуемого объекта. Основное недоразумение кроется в определении статуса членов видовой корреляции, а именно является ли видовая пара грамматической, т.е. противопоставлением двух разных грамматических форм одного и того же слова, или это противопоставление *разных слов*.

Если речь идет о том, что видовая пара – это чистая грамматическая оппозиция одного и того же слова, тогда многие недоразумения снимаются. Однако, допустив, что члены видовой корреляции являются разными словами, мы выходим за пределы грамматики в узком и строгом понимании этого термина. С другой стороны, иногда видообразование переплетается со словообразованием. Одним из факторов, препятствующих построению непротиворечивой модели, процедуры описания категории вида в русском языке является нередко наблюдаемая между членами видовой пары семантическая асимметрия, например, один член пары обладает одним набором семем (ЛСВ), а другой – другим. Фактор асимметричной полисемии членов видовой пары становится непреодолимой преградой на пути признания ее чисто грамматической категории. Таким образом, камнем преткновения в решении вопроса о грамматической или неграмматической природе категории вида становится фактор наличия видовых корреляций, члены которых совпадают лишь в части своих значений, имеют "неполную семантическую соотносительность" [Тихонов 1998: 11]. В РГ указывается на тесную связь категории вида и залога с лексикой и категория вида квалифицируется как несловоизменительная [РГ: 582]. Одновременно аффиксальные средства (в основном префиксы, редко суффиксы), служащие образованию видовых форм, могут быть определены как грамматические аффиксы, так как их назначение состоит в создании того или иного видового значения, т.е. грамматического значения.

Противоречивость категории вида лишний раз убеждает лингвистов в том, что языковые (в данном случае грамматические) категории неоднородны, что, впрочем, было уже продемонстрировано в специальной работе А.В. Бондарко, посвященной типологии морфологических категорий [Бондарко 1976]. Русский вид в чем-то напоминает категорию рода в индоевропейских языках. Эта последняя категория определяется как классификационно-грамматическая. Хотя ее уровневый статус толкуется в лингвистической литературе неоднозначно, она пронизывает и определяет всю микропарадигму существительного как части речи. Ср., например, соотношение рода и типов склонения существительных в русском и немецком языках, рода и числа, рода и типов склонения прилагательных, рода и типов склонения местоимений и т.д.

Поиски ответов на некоторые вопросы относительно грамматической природы категории вида в русском языке побуждают исследователя к обращению к теории функционально-семантической категории и теории поля в целом, так как степень грамматичности, чистота грамматического характера отношений между членами видовой пары неоднородна. Полевая природа категории вида очевидна: прототипическая формальная и семантическая структура, находящая свое выражение в видовых парах, в лексико-семантическом отношении тождественных, хотя части их противопоставлены эксплицитированными в специальных грамматических аффиксах видовыми значениями – конкретно-фактическим (для СВ) и конкретно-процессуальным (для НСВ), образует ядро функционально-семантического поля аспектуальности. Но, как известно, полевая структура свойственна и грамматическим явлениям и категориям. Безусловно, случаи отсутствия лексико-семантического тождества, особенно это касается случаев семантической асимметрии многозначных глаголов, свидетельствуют о том, что взаимодействие видообразования с лексикой и словообразованием приводит к ослаблению интенсивности (строгости) грамматических правил, и явлениям последнего типа присуща центробежная тенденция.

Продуктивной представляется идея А.В. Бондарко о двух типах семантических инвариантов – абсолютной инвариантности общих значений, присущей всем случаям функционирования данной формы, и относительной инвариантности основных значений, охватывающая центральную сферу употребления грамматической формы, не свойственная периферийным употреблениям [Бондарко 1998: 66]. Эта идея созвучна с концепцией о полевой природе грамматических явлений, в частности с выделением ядра, доминанты и периферийных зон. Выделение прототипических и непрототипических семантических структур или "прототипичности" разных степеней имплицитует идею о соотношении ядра и периферии при описании языковых категорий.

Одновременно новейшие исследования в области русской аспектологии говорят об усилении грамматического ядра данной категории. Так, по свидетельству А.Н. Тихонова, парные по виду глаголы составляют более 75% всей глагольной лексики, непарных (одновидовых) глаголов около 20%, двухвидовых глаголов не более 5–6% [Тихонов 1998: 17].

По данным М.Ю. Чертковой, тенденция к строгой грамматикализации видовых пар носит еще более интенсивный характер. Автор пишет об этом: «Развитие видовой парности ("рассеяние" у двухвидовых, образование пар у традиционно несоотносительных глаголов НСВ и СВ, а также создание новых видовых – префиксальных, суффиксальных и супплетивных пар) позволяет сделать вывод о тенденции развития категории вида в современном русском языке по пути универсализации видового противопоставления во всем объеме глагольной лексики. Статистический анализ количества парных и несоотносительных пар по виду глаголов в современном русском языке показал следующее процентное соотношение – 97% : 3%» [Черткова 1996: 134].

Другой дискуссионной проблемой категории вида у русского глагола является проблема инвариантного значения, под которым обычно понимается "тот компонент в значении (и, следовательно, толковании) языковой единицы, который присутствует в любом его употреблении либо в своем изначальном (прототипическом) виде, либо в виде другого компонента, полученного из прототипического в определенных условиях по каким-то общим правилам" [Гловинская 1998: 125]. Этот фактор наличия или отсутствия "внутренней динамической структуры протекания действия во времени" [Comrie 1976: 3] свойствен и другим языкам, но специфика русского языка состоит именно в том, что данные видовые значения выражаются эксплицитно, т.е. в морфологических оппозициях, между тем как в других (германских, романских, тюркских) языках те же семантические признаки с точки зрения отражения их в грамматическом строе носят универсальный характер, правда с некоторой их концентрацией в отдельных участках грамматики, часто в сопряженном с другими грамматическими категориями виде.

Существует в русской аспектологии также попытка выработать более жесткую, объективную процедуру определения инвариантного значения категории вида. М.Я. Гловинская считает, что в качестве семантического инварианта может рассматриваться метаязыковой признак "начать (ся)", например, *заснуть* "начать спать", *продолжить Р* "начать Р вновь после перерыва" *перестать* "начать не делать Р", *кончить Р* "перестать делать Р в момент, когда Р начало существовать" и т.д. М.Я. Гловинская отмечает, что «не существует глаголов СВ, которые не включали бы в свое толкование элемента "начать"» [Гловинская 1998: 129]. Такого рода "устроение" процедуры никак не отвергает общепринятое определение категориальных семантических признаков "ограниченность пределом действия" и "целостность", а уточняет понятие границы, предела.

И, наконец, фактор функционального сближения членов оппозиции СВ: НСВ никак не противоречит их грамматической природе. Транспозиция грамматических форм под влиянием контекста – широко распространенное явление; и их синонимическое использование не разрушает систему оппозиций в рамках данной грамматической категории.

В целях типологического изучения аспектологии важно констатировать, что категория вида в русском языке, выбираемая в качестве металингвистического эталона, представлена морфологической видовой оппозицией СВ: НСВ на основе категориальных семантических признаков "ограниченного пределом действия в единстве с его целостностью" и "непредельности, длительности". При этом существует определенная асимметрия между СВ и НСВ, заключающаяся в том, что "интегрирующее воздействие категориального значения грамматической формы при функционировании НСВ выражено слабее, чем в сфере СВ, поскольку форма НСВ не обладает постоянным положительным признаком" [Бондарко 1996: 117].

В других языках, привлекаемых к анализу в рамках данной статьи, категория вида не находит последовательного выражения в грамматическом строе в виде морфологи-

ческих оппозиций, как это было продемонстрировано на материале русского языка. В частности здесь будут рассмотрены особенности проявления категории вида в глагольной системе английского, немецкого, французского, татарского языков, в которых нет грамматической категории вида, которая достигла бы той степени грамматизированности, которая присуща другим глагольным категориям, например, времени, залога, наклонения.

Во избежание терминологических недоразумений и учитывая качественную неоднородность конституентов данной функционально-семантической категории в разных языках, представляется необходимым внести ясность в основные понятия аспектологии, связанные с разными уровнями ее анализа, что особенно актуально для английского, немецкого, французского и татарского языков, в котором аспектуальность лишена морфологического ядра. Следует выделить четыре слоя аспектологических терминов, находящихся в отношениях иерархического соподчинения по степени обобщенности выражаемых ими понятий. Наиболее обобщенным, родовым (*Oberbegriff*) понятием теории аспектологии, имплицитно характеризующим его межуровневый характер, является понятие аспектуальности, которое составляет содержательный стержень, основу одноименного функционально-семантического поля. Второй ряд представлен в виде терминологической корреляции "совершенный вид – несовершенный вид" (СВ/НСВ).

Следующей, важной для функционально-семантической категории аспектуальности в целом характеристикой является деление глаголов на предельные и непредельные (лексико-грамматические разряды) [Бенвенист 1974: 585]. Причем способы действия также определяются как лексико-грамматические разряды. В связи с этим возникает необходимость уточнить соотношение категории предельности-непредельности со способами действия. То, что обе категории квалифицируются как лексико-грамматические разряды, оправдано, так как и противопоставление по признаку предельности-непредельности, и вычленяемые при этом способы действия представляют собой аспектологические классы и субклассы, содержащие в своем лексическом значении обобщенные, категориальные компоненты, которые относятся к ведению "скрытой" грамматики и являются "грамматическими сигналами, имплицитно содержащимися в ...семантике слов" [Кацнельсон 1972: 78]. Несмотря на то, что вид (аспект) и лексико-грамматический разряд предельности-непредельности представляют собой взаимосвязанные и родственные аспектологические категории, – обе категории указывают на характер протекания действия: они разнятся в том, что вид относится к категориям "интерпретационным" [Бондарко 1976: 47], т.е. в нем отражается, говоря словами Б. Комри, оценка, видение внутренней темпоральной структуры ситуации ("viewing... of the internal temporal constituency") с позиции говорящего [Comrie 1976: 3], а способ действия относится к объективной категории. При этом прежде всего речь идет о фазовых способах действия [Deutschbein 1939; Renicke 1961; Erben 1972, ср. Grundzüge 1981: 50].

Таким образом, иерархию основных аспектологических понятий можно представить в виде нисходящей по степени обобщенности линии: аспектуальность (межуровневое понятие) – вид (морфологическое понятие) – предельность – непредельность (лексико-грамматические разряды) – характеризованные и нехарактеризованные способы действия (они, особенно последние, ориентированы на лексическую семантику глаголов, т.е. лексикоцентричны).

Что касается германских, романских и тюркских языков, то аспектуальность в них относится к числу функционально-семантических полей без грамматического ядра, и поэтому использование оппозиции "perfektiv – imperfektiv" по отношению к глагольной лексике следует признать теоретически несостоятельным. В перечисленных языках нет аспектуальной категории, эквивалентной по уровневому статусу категории вида в русском языке.

Характерно, что несмотря на отсутствие грамматической категории вида в этих языках, трудно найти общеграмматические исследования или работу, посвященную

морфологии глагола, которые бы обошлись без упоминания категории аспектуальности.

Как это нередко имеет место в лингвистической литературе, под одной терминологической крышей оказываются далеко не тождественные явления разных языков. Конкретная структурация, т.е. языковая репрезентация того или иного семантического признака той или иной степени обобщенности носит лингвистический характер и в зависимости от этого данная семантическая категория получает свое терминологическое оформление. "Ярлыки, – пишет А. Вежицкая, – отражают здравую интуицию, в соответствии с которой грамматические категории имеют семантическую основу, и потому одноименные категории разных языков могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу – не на основании грамматической формы, – а именно на основании некоторого общего семантического ядра" [Вежицкая 1999: 45]. А. Вежицкая одновременно подчеркивает, что общий термин предполагает не сходство семантической категории в разных языках, а однотипность, тождество ее прототипического ядерного значения, хотя "каждый язык располагает своей собственной уникальной системой значений, закодированных в грамматике" [Вежицкая 1999: 46]. Тождество прототипического ядра категории не исключает ее идиоэтнического характера, допускающего возможное "распространение на некоторые другие смежные значения" [Вежицкая 1999: 47]. Такого рода прототипическими значениями категории вида при описании языков является оппозиция наиболее обобщенных семантических признаков, разработанная, прежде всего, применительно к глагольной системе русского языка. Такими семантическими признаками являются "достижение действием предела" и "отсутствие достижения подобного рода (длительность, повторяемость, многократность)".

Статус категории вида в английском языке был предметом лингвистических дискуссий во второй половине XX века. Понятие вида то отвергалось как грамматическая категория и квалифицировалось как некий "разряд" [Иванова 1961], то считалось временной формой [Иртеньева 1956]. Как известно, А.И. Смирницкий наряду с другими грамматическими категориями глагола выделил также категорию вида, состоящую из двух формально и семантически противопоставленных членов: общий вид – длительный вид [Смирницкий 1959].

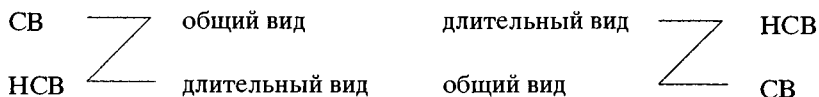
Возможность представления категории вида в английском языке в виде грамматической оппозиции служит его существенным отличительным признаком среди не-славянских, индоевропейских и тюркских языков.

Вид английского глагола качественно отличается от одноименной категории в русском. Первое важнейшее отличие двух языков состоит в том, что английский длительный вид – это не чисто видовая форма, возможно, даже главным образом не видовая форма. Ее основное назначение заключается в выражении временной отнесенности ко времени осуществления другого действия (тогда она создает как бы фон осуществления, протекания главного действия) или к какому-либо другому временному моменту. Другими словами одним из категориальных значений данной формы является *таксис одновременности*. Одновременность предполагает наличие срединной фазы, т.е. общего временного вектора двух временных отрезков, что и порождает второй категориальный семантический признак – "длительность". Сказанное не исключает употребления длительных форм для выражения развертывающегося действия, т.е. прогрессива в собственном смысле этого слова. Длительные формы достаточно узко специализированы в выражении видовых значений: основной сферой их функционального сопряжения остается именно сфера длительности, в то время как другие видовые значения, находящиеся, например, в русском языке в ведении форм НСВ, оказываются включенными в семантический потенциал общего вида.

Другое существенное отличие категории вида в русском и английском языках состоит в том, что они образуют видовую оппозицию с противоположной направленностью своих членов в плане маркированности/немаркированности. Если в русском языке сильным, маркированным членом видовой оппозиции является СВ, так как, по характеристике А.В. Бондарко, "семантическое пространство частных значений СВ

имеет центрированную, фокусированную структуру, ядром которой является... основное значение", а НСВ напротив, "отличается структурой **диффузной**, слабо центрированной" [Бондарко 1996: 11]. Кроме того, СВ и НСВ характеризуются неодинаковым поведением по отношению к среде. НСВ свойственно **реактивное** отношение к среде, т.е. НСВ испытывает доминирующее воздействие среды, а формы СВ характеризуются **активным** поведением, т.е. несмотря на воздействие среды они сохраняют свое инвариантное значение [Бондарко 1996: 113].

Противоположная тенденция заложена в видовой оппозиции английского глагола: как в формальном отношении, так и в плане семантической определенности сильным членом является длительная форма. Общий вид представляет в семантическом отношении диффузное, многозначное образование, и он соответствует в русском языке как СВ, так и НСВ, между тем как длительный вид всегда передается в русском языке формой НСВ.

Вид и время, безусловно, сопряженные категории. Богатым спектром видовых значений обладают формы общего вида и специализированное, узкое значение характерно для форм длительного вида. Однако, говоря о том, что вид и время тесно связаны между собой, так как "видовые морфологические показатели одновременно служат и временными показателями" [Аракин 1989: 121], следует иметь в виду различную формульную специфику образования временных форм общего и длительного видов, а именно, временное значение общего вида аналитических форм передается аналитической структурой в целом, не расчленено (*has come, had come, will come, would come*), между тем временное значение длительных форм выражается исключительной формой вспомогательного глагола (ср. *is/was/has been/had been/will be + working*).

Английские длительные формы невозможно назвать каким-либо монокатегориальным термином. В их семантическую структуру входят три категориальных семантических признака: видовой (длительность) + временной + таксис (временная отнесенность). Поэтому они представляют собой аспектуально-темпорально-таксисный комплекс. Временные формы русского глагола носят аспектуально-темпоральный характер, а вот деэпричастия лишены темпорального значения и являются аспектуально-таксисными формами.

В рамках общего вида имперфектная и перфектная форма образуют аспектуальные оппозиции. В грамматическом плане аспектуальные семантические признаки обнаруживают себя лишь косвенно. Значения завершенности (результативности), длительности, кратности, точности, инхотивности не находят своей морфологической дифференциации, но они входят как аспектуальные признаки в семантическую структуру форм общего вида. Реализация значения завершенности действия или, наоборот, его длительности осуществляется в конкретном контексте под воздействием близкой и дальней среды. Наиболее значимой в реализации аспектуальных значений является лексико-грамматическая категория предельности/непредельности. Таким образом, репрезентация семантических признаков достижения действием предела или отсутствие его в английском языке с уровня грамматической категориальности перемещается на уровень лексико-грамматических категорий, т.е. способов действия предельности и непредельности. Другими словами, аспектуальное противопоставление в английском языке по признаку завершенности/незавершенности действия с точки зрения грамматики понижено в ранге до уровня субграмматической категории, т.е. структурно-семантических разрядов. Past Indefinite и Present Perfect могут выражать как законченные, так и незаконченные действия в зависимости от того, образованы эти формы от предельных или непредельных глаголов. В ином случае они выражают незакончен-

ность действия, ср.:

русск. Андрей почернел, задохнулся. Порвал застёжки.

англ. Andrei went black in the face and gasped for breath. He tore open his greatcoat... (Past Indefinite соответствует русскому СВ).

русск. А потом долго, не слушая увещаний жены, лежал с открытыми глазами, думал... (М. Шолохов)

англ. Then for a long time, heedless of his wife's pleadings, he lay with his eyes open and thought // (Past Indefinite соответствует русскому НСВ).

русск. Мне твердо надо знать: решил ли? (М. Шолохов)

англ. I've got to know for certain, have you decided? (Present Perfect передается в русском языке формой СВ).

русск. Много мы красных слов слышали. (М. Шолохов)

англ. We've heard plenty of fine words (Present Perfect соответствует русскому НСВ).

Вышесказанное о взаимосвязи способов действия и видовых значений форм Past Indefinite и Present Perfect не означает, что аспектуальный признак обязательно предполагает перфективное значение временных форм. Например, нет у них результативного значения и от предельных глаголов, если они употребляются в контексте многократного действия [Гуревич 1998: 148].

Несмотря на обилие лингвистической литературы по аспектологии английского языка, категория вида еще далека от своего решения. Она в основном исследовалась в плане противопоставления длительного вида и общего вида, между тем как дальнейшее видовое расслоение форм общего вида, совмещающего в себе функции СВ и НСВ русского глагола, еще не стало предметом исследования. Чтобы убедиться в корректности нашего данного суждения достаточно привести характеристику вида в одной из самых объемных и фундаментальных грамматик английского языка: "Aspect relates to considerations such as the completion or lack of completion of events or states described by a verb. The perfect aspect designates events or states taking place during a period leading up to the specified time..." [LG 2000: 460]. Здесь имеет место явное неразграничение законченности действия, т.е. истечения временных рамок осуществления действия, и совершенности действия, т.е. достижения действием своего предела.

Итак, видовая система английского глагола грамматизована лишь при сочетании видового признака с таксисом. Вне такой комбинации нет категории длительности. Однако этот факт не может свидетельствовать об "отсутствии в этом языке собственно категории глагольного вида..." [Гуревич 1998: 150]. Категория вида в английском языке при рассмотрении в зеркале одноименной категории русского языка не может быть признана гомоморфной последней. Безусловно категория вида в двух языках имеет отличные конфигурации. Однако, как отмечает М.Я. Блох, "грамматическая категория в каждом языке формируется конкретными соотношениями его грамматических форм" [Блох 1986: 92]. Не совсем верным представляется утверждение, что вид в английском языке не закреплен за особыми формами. Важнейшим показателем длительного вида является форма на *-ing*, а временное значение выражается исключительно формой вспомогательного глагола (*is/was/has been/had been/would be*). Кроме того, как уже отмечалось, в лингвистической литературе некоторые грамматические категории выступают как сопряженные. В.Н. Ярцева писала по этому поводу: "...В глаголе современного английского языка грамматизированное выражение вида как характеристика протекания действия (его длительности, законченности, интенсивности) выступает в рамках системы времен" [Ярцева 1968: 30].

Категория вида во французском языке является предметом острых лингвистических дискуссий. И дискуссии эти ведутся вокруг трех проблем, от решения которых зависит ответ на вопрос: является ли вид во французском языке категорией грамматической. В данном вопросе можно указать, по меньшей мере, на две тенденции, два направления. Французские лингвисты в основном считают вид грамматической категорией (см. обзор

литературы об этом [Гак 1989; 2000; Реферовская 1984; Пицкова 1982, Pollak 1960]), тогда как по мнению отечественных романистов, вид не является грамматической категорией в строгом смысле слова. Так, например, как и в английском, во французском языке, нет деления глагольных лексем по видовому признаку и один и тот же глагол в зависимости от представленной в предложении аспектуальной ситуации может выражать как законченное (СВ), так и незаконченное действие (НСВ). Л.И. Илия однозначно отрицает грамматическую категорию вида у французского глагола: "Во французском языке отсутствует категория вида, т.е. отсутствуют грамматические формы для обозначения действия как завершённого или незавершённого..." [Илия 1964: 138]. Проанализировав различные точки зрения на категорию вида в зарубежной лингвистике, Е.А. Реферовская приходит к такому же выводу: "...Вопрос о существовании категории вида как отдельной специальной совокупности форм решается для французского языка отрицательно. Вид представляет собой некое сознание временных форм" [Реферовская 1984: 109].

Различия мнений французских и отечественных лингвистов в интерпретации категории вида обусловлены прежде всего разграничением "внешнего" и "внутреннего" времени действия. "Внешнее время" – это, по Гийому, временной план действия (будущее, настоящее, прошедшее), а "внутреннее время" – это временная форма, выражающая длительность совершения действия [Guillaume 1969]. Ж. Лафлеш считает, что во французском языке представлена видовая оппозиция "завершённость – незавершённость" [Lafèche 1973]. Отечественные романисты справедливо указывают на смешение как раз внешнего и внутреннего времени действия и нередко истечение временного отрезка, временных рамок с внутренним временем, т.е. длительностью, многократностью или, наоборот, завершённостью действия в смысле достижения им внутреннего предела и его исчерпанностью.

В качестве основной видовой оппозиции во французском языке рассматривается оппозиция линейные времена (*imparfait*) – точечные времена (*passé simple* и *passé composé*). Данная категория близка к оппозиции СВ – НСВ в русском языке. Данную оппозицию В.Г. Гак характеризует следующим образом: "Точечные времена" (*passé composé* и *passé simple*) используются для выражения конкретных единичных действий, сменяющих друг друга, тогда как *imparfait* выражает одновременность событий, фоновые обстоятельства, состояние... И нередко СВ в употреблении совпадает с французскими "точечными временами", а НСВ – с имперфектом [Гак 1977: 151]. Аспектуальный термин "целостность" используется в общезыковедческом плане неоднозначно. Некоторые лингвисты в семантике "точечных времен" французского языка также усматривают целостность действия [Пицкова 1982: 79]. Однако целостность действия в русском и французском языках структурируется по-разному. На это в частности указывает В.Г. Гак: «Русский совершённый вид обозначает целостность нечленимую, французские точечные времена обозначают и членимую целостность, т.е. единое действие, распадающееся на ряд аналогичных действий. Поэтому повторное действие (членимая целостность) в русском языке выражается НСВ, а во французском – "точечными" временами: *Je l'ai vu plusieurs fois.* – Я видел его несколько раз» [Гак 1977: 151].

Сопоставление аспектуальных ситуаций в русском языке, в которых в качестве грамматической доминанты функционируют формы СВ и НСВ, с таковыми во французском языке с использованием имперфекта и/или "точечных" времен свидетельствует об их неоднозначных аспектуальных соотношениях, ср.:

русс. Все время он мне *пособлял*, быков *давал*, семена *ссужал*... (М. Шолохов).

франц. *Il m'a aidé tout le temps, prêté ses boeufs et ses semences*... (русский НСВ переводится "точечной" формой *passé composé*).

русс. Иногда лишь, *встречаясь* со старшим сыном Аникея Девяткина, эмигрировавшего во Францию, *бледнел*. (М. Шолохов).

франц. *Cependant il lui arrivait de pâlir, lorsqu'il rencontrait Déviatkine, le fils aîné d'Anikéi, émigré en France* (наиболее типичный случай видовых соответствий

в русском и французском языках: НСВ – imparfait).

русс. Часов в семь утра Давыдов, придя в сельсовет, *застал* уже в сборе четырнадцать человек гремячинской бедноты. (М. Шолохов).

франц. Davydov, arrivé vers huit heures du matin au soviet, y *trouva* déjà réunis les quatorze cultivateurs pauvres de Grémiatchi-Log (passé simple как аспектуальное соответствие русскому СВ) и т.д.

При выражении одновременности действия с действием главного предиката русскому НСВ соответствуют в других языках имперфект или длительная форма, ср.:

русс. В курень вошли толпой. Жена Титка, худая, высокая баба, *поила* из лоханки телка. (М. Шолохов).

франц. Ils s'engouffrèrent en bande dans la maison. La femme de Titok, grande et maigre, *faisait* boire un veau dans un baquet.

англ. They entered the house in a bunch. Titok's wife, a tall thin woman, *was feeding* a call out of a tub.

нем. Sie gingen alle miteinander ins Haus. Titoks Frau, ein großes, hageres Weib, *tränkte* gerade ein Kalb aus einen Holztrog.

татарск. Өйгә төкөмнәре белән барып керделәр. Титокның хатыны, озон буйлы, ябык кына бер нәрсә, кечкенә лаканнан бозау *эчереп тора иде* (незаконченное или длительное прошедшее).

По мнению Х. Глинца таксис одновременности или соотношенности с какой-либо временной точкой является одним из основных значений французского имперфекта (imparfait) и при этом предикат главного предложения может стоять как в настоящем, так и в прошедшем времени, ср.: Il affirme que cette femme *travaillait au moment de l'accident*. – Il a affirmé que cette femme *travaillait en ce moment* [Glinz 1994: 142].

Не менее дискуссионно и видовое противопоставление простых и сложных времен. Э. Бенвенист видит в последних два категориальных значения – перфектность, которая понимается как "совершенство действия" + "аспектуальность" ситуации и предшествование.

Избыточное количество времен во французском языке, в особенности в плане прошедшего, может быть объяснено только при учете того факта, что времена одного и того же глагола, как указывает Э. Бенвенист, "распределяются по двум различным взаимодополнительным системам", представляющие "два различных плана сообщения, которые мы будем различать как план истории и план речи" [Бенвенист 1974: 271]. При этом в историческом плане употребляются аорист, т.е., имперфект, плюсквамперфект и проспектив; исключаются: настоящее, перфект, будущее (простое и сложное); в речевом (простое и сложное) [Бенвенист 1974: 279]. Одновременно Э. Бенвенист подчеркивает, что различие между историческим повествованием не совпадает с различием между письменной и устной разновидностями языка, так как, если первое закреплено за письменным языком, то речь существует "равно в письменной и в устной формах" [Бенвенист 1974: 276–277].

Двуплановое расслоение влечет за собой определенные последствия и для видовых оппозиций. Так, форма *passé composé* (j'ai fait) выступает в двух ипостасях: 1) она выражает совершенство по отношению к форме *présent* (je fais), 2) она, по образному выражению Э. Бенвениста, "соскальзывает в ранг простых времен, и системе требуется новая сложная форма для выражения совершенности" [Бенвенист 1974: 283] в виде сверхсложной видовой формы *j'ai eu fait*, который представляет собой новый перфект к *passé composé* [Там же: 283].

Таким образом, образуются две параллельные видовые оппозиции для двух планов повествования: оппозиция "аорист (*passé simple*): *passé antérieur*" в плане исторического повествования и оппозиция "*passé composé* (в функции аориста): *passé surcomposé* (il a eu fait)" в плане речи.

Для Э. Бенвениста четыре сложные формы выражают как предшествование, так и

совершенство действия. Таким образом, формы *passé composé* (il *a écrit*), *plus-que-parfait* (il *avait écrit*), *passé antérieur* (il *eut écrit*) и *futur antérieur* (il *aura écrit*), помимо таксиса предшествования в разных временных планах, выражают также видовое значение завершенности действия.

По-видимому, Э. Бенвенист в какой-то степени переоценивает роль таксиса предшествования для формирования видового значения французских сложных времен. Впрочем, аналогичное явление наблюдалось и при описании перфектных форм в немецком и английском языках. Предшествование одного действия другому само по себе, безусловно, создает благоприятную языковую среду для выражения завершенного предшествующего действия, но не является облигаторным. Как справедливо замечает В.Г. Гак, "любое завершенное действие оказывается предшествующим по отношению к следующему действию, но не всякое предшествующее действие оказывается завершенным в смысле достижения своего внутреннего предела" (разрядка моя. – *Р.М.*) [Гак 2000: 333].

Свое однозначное выражение в грамматическом строе французского языка семантический признак "завершенность действия" получает в так называемых свехсложных временах (*passé surcomposé*: il *a eu mangé*; *imparfait composé*: il *avait eu mangé*, а также *futur surcomposé*: il *aura eu mangé* и *conditionnel surcomposé*: il *aurait eu fait*), играющих во временной системе второстепенную роль и относящихся к перфекту грамматики французского глагола; именно, они, как правило, не включаются в основную парадигму глагола, употребляются в разговорной речи и характеризуются дефектной залоговой парадигмой. Их синтагматическая комбинаторная особенность состоит в том, что они обычно коррелируют с другой сложной глагольной формой. Их видовое значение носит абсолютный характер. "Они всегда имеют значение совершенного вида и используются обычно с предельными глаголами" [Гак 2000: 335].

Таким образом, в темпоральной системе французского языка можно выделить видовременные формы, образующие шкалу по степени "чистоты" выражения значения завершенности действия, гомоморфного семантике СВ в русском языке: свехсложные времена – сложные времена в следующей последовательности: *passé antérieur* и *futur antérieur* – *plus-que-parfait* – *passé composé* и простое (точечное) прошедшее *passé simple*. Иную последовательность имеет видовая шкала, отражающая значение незавершенности: *imparfait* – *passé composé* – *plus-que-parfait* – *passé simple*.

Системное видовое значение временных форм находится в тесном взаимодействии с основной, наиболее обобщенной аспектуальной оппозицией "предельность – непредельность", определяемой в славянской аспектологии как способ действия. Оппозиция "предельность – непредельность" обнаруживается, как в славянских, с грамматической категорией вида, так и в германских и тюркских языках, в которых нет такой грамматической категории в строгом смысле этого термина. А.А. Холодович замечает по этому поводу, что разбиение глаголов на предельные и непредельные "видимо, универсально" и "причина универсальности кроется в сугубо семантическом характере дихотомии" [Холодович 1979: 138]. О значимости данной аспектуальной дихотомии для формирования глагола можно судить по высказыванию одного из французских лингвистов о том, что "для всякой глагольной лексемы предельность или непредельность является обязательной врожденной чертой" [Laflèche 1973: 367]. Несколько иная точка зрения выражена по этому поводу Л.И. Илия, которая считает, что "большинство глаголов не может быть отнесено ни к той, ни к другой группе даже по значению" [Илия 1964: 139], например: *boire, manger, lire, parler, chanter, regarder* и др. Решительно противоположную точку зрения высказывает Е.А. Реферовская: "...Если рассматривать какой-либо глагол вне контекста в его наиболее часто встречающемся значении, его всегда можно определить как предельный или непредельный. Так, предел, содержащегося в глаголе *naître*, представлен актом рождения; предел дейст-

вия *mourir* – в факте смерти..." [Реферовская 1984: 94]. Тем не менее аспектуальные признаки предельности и неопределенности легко обнаруживаются в контексте в зависимости от наличия или отсутствия объекта, характера субъекта, временной локализованности/нелокализованности ситуации, и, в особенности при наличии аспектуально "чувствительных" адвербиальных слов и словосочетаний.

В связи с дихотомией "предельность – неопределенность" следует подчеркнуть ее значимость также при видовой характеристике временных форм прошедшего английского, немецкого и татарского языков. При формировании видового значения в этом отношении двусмысленных временных форм аспектуальной дихотомии "предельность/неопределенность" принадлежит решающая роль.

Выражает та или иная глагольная форма значение завершенности или незавершенности действия, сводится к вопросу о том, образованы данные грамматические формы от предельных или неопредельных глаголов. Если грамматическая форма образована от предельных глаголов и в контексте нет специальных аспектуальных наречий и т.п. и не имеет места специальная имперфективация процесса, действия в каких-то стилистических или прагматических целях, то она выражает совершенность действия и, наоборот, наличие аспектуального признака неопределенности создает идеальную аспектуальную среду для *imparfait* для реализации системных значений одновременности, длительности и многократности. Аспектуальная характеристика прежде всего таких форм, как *passé simple*, *passé composé*, *plus-que-parfait*, находится в прямой зависимости от анализируемой аспектологической дихотомии. Даже сверхсложные формы, как указывают романисты, обычно сочетаются с переходными глаголами.

Разбиение глаголов на предельные и неопредельные во французском языке в основном носит лексико-семантический характер и, пользуясь получившей распространение в русской аспектологии терминологией, их можно квалифицировать как нехарактеризованные способы действия, так как во французском языке нет такого набора специальных аффиксов перфективации, как это свойственно русскому и в значительной степени немецкому глаголу. К характеризованным способам действия можно отнести такие, как повторное и обратное действие, выраженное префиксом *re-* (*relire*), взаимное – префикс *s'entre-* (*s'entraider*), смягчительный и итеративный способы, обозначенные суффиксами: (*sautiller*, *vivoter*) и др. [Гак 2000: 337].

Некоторые аспектуальные значения на уровне способов действия выражаются аналитическими конструкциями, один компонент которых является константным, роль которого выполняет глагол в служебной функции, а другой компонент – переменной величиной. Такого рода конструкции в германистике называют "устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью" [Москальская 1961]. Сюда относятся структуры "*se mettre à* + инфинитив", "*commencer (de, à, par)* + инфинитив", "*finir (de, par)* + инфинитив" для обозначения начала или окончания действия, "*être à*, *être en train de* + инфинитив" для обозначения процессного, длительного характера действия и т.п.

Немецкому языку чужда категория аспекта в том виде, как она представлена в русском языке. Экстраполяция терминов русской аспектологии в немецкую глагольную систему повлекла за собой их ошибочную интерпретацию, сохраняющуюся по сей день как в академических изданиях немецких грамматик, так и в специальных исследованиях по аспектологии немецкого глагола. В зарубежной германистике, а вслед за ней и в отечественной, лингвисты, нередко оговаривая, что термины "perfektiv – imperfektiv" соответствуют русской терминологической паре "совершенный вид – несовершенный вид", используют их одновременно для обозначения так называемых Aktionsarten, представляющий собой при ближайшем рассмотрении не что иное, как способы действия (собственно термин "способ действия" представляет собой прямой перевод немецкого "Aktionsart"). Тем самым термин грамматического ранга в русском языке при описании немецкого глагола переосмысливается *volens volens* как

термин рангом ниже, а именно, для описания способов действия. квалифицируемых либо как семантические признаки глагольных лексем, либо как лексико-грамматические разряды, либо как аспектуальные категории уровня пропозиции. Известно, что в основе способов действия лежит признак предельности-непредельности. Понятие предельности-непредельности пересекается с понятием перфективности-имперфективности, но они ни в коем случае не покрывают друг друга. Таким образом, в германистике термины "перфективный – имперфективный" включают в себя как оппозицию грамматического уровня "совершенный вид – несовершенный вид", так и семантическую или лексико-грамматическую категорию предельности – непредельности. Немецкие языковеды применительно к немецкому глаголу используют термины "perfektiv – imperfektiv" как синонимы терминам "punktuell" ("точечный, моментальный") и resp. "durativ" ("длительный") (ср. [Grundzüge 1981: 501; Duden 1984: 93]). С общезыковедческой точки зрения употребление терминов "perfektiv – imperfektiv" при описании аспектологических признаков немецких глагольных лексем следует признать теоретически несостоятельным и вводящим в заблуждение. Аспектуальную специфику глагольной лексики в немецком языке адекватно отражают термины "терминатив" (ср. лат. *terminus* "граница") и "атерминатив".

Оппозиция "perfektiv – imperfektiv" оправдана, однако, при описании аспектуальных значений пропозиций (матричных или номинализованных) и отдельных грамматических форм глагола, выражающих законченное действие или указывающих на достижение предела действия. Так можно говорить о перфективном значении причастия II предельных глаголов в атрибутивном употреблении (*das gelesene Buch, der angekommene Zug*) и о видовой оппозиции "причастие II (предельных глаголов): причастие I" по признаку "перфективность – имперфективность".

Что касается немецкого языка, то аспектуальность относится к числу функционально-семантических полей без грамматического ядра, и поэтому, как уже было подчеркнуто нами выше, использование оппозиции "perfektiv – imperfektiv" по отношению к глагольной лексике следует признать теоретически несостоятельным¹. В немецком языке нет аспектуальной категории, эквивалентной по уровневому статусу категории вида в русском языке (см. обзор литературы по этой проблеме в работе С.-Г. Андерссона [Andersson 1972]). Правда, некоторые германисты приходят к экстремальным выводам – они отрицают существование в немецком языке не только категории вида, а и Aktionsart'ов, т.е. способов действия [Steinitz 1981: 121].

При описании категории аспектуальности в немецком языке следует дифференцировать три взаимосвязанных, но лингвистически разных явления, а именно: 1) классификацию глаголов на основе аспектуального признака в его инфинитивной форме, вне зависимости от контекста, т.е. лексикоцентрический подход; 2) аспектуальные признаки, получаемые глаголами благодаря своим синтагматическим свойствам, прежде всего объектам и обстоятельственным актантам; 3) выражение аспектуального значения перфективности (сов. вида) и имперфективности (несов. вида) как сопряженных категориальных созначений временных форм. Последние два типа выражения аспектуальных значений фразоцентричны. При описании аспектуальных значений глагольных форм в составе пропозиций правомерна терминологическая оппозиция "перфективный – имперфективный". Последнее допустимо также по отношению к оппозиции "причастие II – причастие I". Что касается временных форм глагола,

¹ Правомерность такого утверждения очевидна, так как почти любому так называемому "перфективному" глаголу немецкого языка в русском языке соответствуют две формы одного и того же глагола, образующие видовую оппозицию СВ/НСВ. ср.: *aufblühen* "расцвести/расцветать", *einschlafen* "засыпать/уснуть", *erwachen* "просыпаться/проснуться" и т.д. Сказанное выше не противоречит тому, что в немецком языке имеются глаголы с "перфективным" лексическим значением, выражающие действия, не допускающие процессуализации и осуществляющиеся мгновенно, в один прием, например, моментативы (*bersten, platzen, stürzen*), ингрессивы (*losrennen, losschreien*) и т.п.

то здесь перед исследователем предстает сложная и противоречивая картина. С.-Г. Андерссон, В. Флемиг, В.А. Жеребков, В.М. Павлов, Е.И. Шендельс и др. лингвисты отмечают различную аспектуальную "нагрузку" временных форм немецкого языка [Andersson 1972: 130; Flämig 1971: 283; Balin, Žerebkov 1973; Павлов 1984: 55; Шендельс 1970]. В частности, В.М. Павлов подчеркивает, что лишь в случае второго (темпорального) футура от трансформативных глаголов (ср. [Павлов 1984: 50–53, 54]) можно говорить о перфективном значении, а что касается других временных форм, например, перфекта или плюсквамперфекта, то здесь "речь идет хотя и о сильной тенденции, но все же лишь о тенденции, отклонения от которой вполне возможны..." [Павлов 1984: 55].

Инвентарь способов действия в немецком языке, впрочем, как и в русском, нестабилен. Основопологающим является первичное деление глаголов на предельные и непредельные, в рамках которых вычленяются более мелкие аспектуальные классы. Некоторые способы действия выводятся за рамки предельности – неопредельности, так как глаголы могут быть и предельными, и неопредельными. Например, так называемые аугментативы, т.е. глаголы, выражающие высокую степень интенсивности действия (ср.: *brüllen* "выть, громко плакать" и *weinen* "плакать", *sausen* "мчаться, нестись" и *laufen* "бежать, бегать", *schleudern* "с силой бросать, швырять" и *werfen* "бросать", *stürzen* "свалиться" и *fallen* "падать"), могут быть предельными, неопредельными или "рекционально предельными" [Andersson 1972: 34], в то время как противочлен оппозиции – деминутивы имеют дуративное, прерывисто-смягчительное или итеративное значения (ср.: *hüsteln* "покашливать" и *husten* "кашлять", *lächeln* "улыбаться, усмехаться" и *lachen* "смеяться, хохотать", *liebeln* "флиртовать, любезничать" и *lieben* "любить", *tänzeln* "приплясывать" и *tanzen* "танцевать, плясать").

Способы действия выражаются как в лексическом значении корневых глаголов, так и при участии аффиксальных моделей. Лишь при выражении фазовых аспектуальных значений наблюдаются относительно регулярные префиксальные противопоставления, что позволяет квалифицировать их как характеризованные способы действия: *blühen* "цвести" – *erblühen*, *aufblühen* "расцветать, расцвести" – *verblühen* "отцветать, отцвести", *brennen* "жечь, сжигать" – *anbrennen* "зажечь, зажигать", *schlafen* "спать" – *einschlafen* "засыпать, уснуть", *kämpfen* "бороться, сражаться" – *erkämpfen* "завоевать, завоевывать" и т.д.

Во многих грамматиках немецкого языка XIX и начала XX в. была тенденция к противопоставлению перфектных форм не-перфектным не только по временному, а и по видовому признаку. Аспектуальное поведение перфектных форм двойственно. Если данные грамматические формы принадлежат предельным глаголам, то, как правило, можно запрограммировать значение завершенности действия, при условии, если контекст, т.е. среда, не содержит специальных аспектуальных адвербиальных индексов, нейтрализующих значение предельности глагольной основы. В свою очередь, семантический признак предельности может служить базой формирования значения завершенности действия не только у перфектных форм, но и у имперфекта: *Endlich schließt er ein / Endlich ist er eingeschlafen*. "Он заснул".

русс. Андрей *почернел*, *задохнулся*. *Порвал застежку шинели...* (М. Шолохов)

нем. Andrejs Gesicht *färbte sich dunkel*. Er glaubte, *ersticken zu müssen*, *riß die Mantelhaken auf*...

Подчеркивая взаимосвязь имперфекта и предельности – неопредельности в немецком П. Айзенберг пишет: "In einem Satz wie: **Um vier Uhr fand er sein Schlüsselbund wieder kann das Prät. nicht Imperfektivität signalisieren, weil finden punktuell ist**" [Eisenberg 1994: 122].

Однако при сопоставлении функций перфекта и претерита в немецком языке следует иметь в виду темпоральную двуклассность первого. Он может быть употреблен абсолютно и относительно. В относительном употреблении перфект обозначает прошедшее действие, контактирующее с моментом речи, что предполагает закончен-

ность, пресеченность действия. Как указывает Е.И. Шендельс, немецкий перфект, однако, не отождествляется с современным видом, т.к. он не всегда означает достижение предела, а понимается как ограниченность во времени [Шендельс 1970: 66]. Тем не менее контактный перфект предельных глаголов регулярно выражает завершенное действие, ср.:

Lenbach *hat* ein sehr schönes Porträt von ihr *gemacht*, das wir besitzen (K. Mann). "У нас есть ее прекрасный портрет, который *нарисовал* Ленбах".

Ср. далее: русск. Ну, лежит себе отрез, *приржавел* (М. Шолохов).

нем. Na gut, der Kurzlauf liegt also herum. Ganz rostig *ist er geworden*.

У предельных глаголов между перфектом и претеритом, особенно при отсутствии контактности с другим действием в настоящем времени, существует парадигматическая синонимия, ср.:

русск. Все время он мне *пособлял*, быков *давал*, семена *ссужал*... (М. Шолохов)

нем. Er *hat* mir immer *geholfen*, *hat* mir Ochsen *gegeben* und Saatkorn *geliehen*...

русск. Он *помогал* своей любушке в хозяйстве, с охоты нес ей убитого зайца... Но Марина никогда не *злоупотребляла* своей властью и не *обделяла* матери Андрея, хотя и *относилась* к ней с чувством скрытой враждебности. (М. Шолохов).

нем. Er *half* seiner Liebsten bei der Feldarbeit und *brachte* ihr von der Jagd Hasen... mit. Aber Marina *mißbrauchte* ihre Macht nicht, sie *ließ* Andrejs Mutter stets ihr Teil zukommen, obwohl sie der Alten nicht sehr *gewogen war*.

Как показывают данные примеры, для обозначения одинаковых аспектуальных ситуаций (обычные, изо дня в день повторяющиеся действия) используются обе временные формы – претерит и перфект.

Возможно, в немецком языке существуют зачатки сложного времени, аналогичного французским сверхсложным временам. По крайней мере, в произведениях писателей южной части Германии встречается двойной перфект, состоящий из вспомогательного глагола в презенсе и двух перфектных причастий – причастия II основного и причастия II вспомогательного глагола. Таким образом, вспомогательный глагол употребляется дважды – в финитной форме и форме перфектного причастия. Действия, обозначаемые данными формами, являлись завершенными.

Wir *haben ganz vergessen gehabt*, daß meine Mutter die Papendiecks zum Essen eingeladen hat (H. Blickensdörfer. Der große Tag). "Мы совсем *забыли*, что мама пригласила чету Папендигов в гости".

Gitta *hat längst entschieden gehabt*, daß es mit dem Auto zu gefährlich ist, weil es Schnee oder Glatteis geben kann und wir eine große Verantwortung haben (Blickensdörfer). "Гитта давно решила..."

Es *hat geregnet gehabt*, und die Stadt ist so matschig und glitschig gewesen, daß man nicht in den Wald hat fahren können (Blickensdörfer) "*Была* дождь..."

У немецкого перфекта имеется еще одна функция, где он выражает законченное действие, соответствующее русскому СВ, а именно, его употребление для выражения в будущем. В данной функции футурум II, по свидетельству зарубежных и отечественных германистов, вытеснен перфектом почти полностью:

Wenn du in der Stadt *angekommen bist*, rufe sofort meine Eltern an "Когда *прибудешь* в город, сразу позвони моим родителям".

Таким образом, футуральный перфект соответствует русскому СВ.

Футурум II наделяется некоторыми лингвистами значением СВ [Павлов 1984], но данная форма имеет два не связанных между собой значения: относительный футурум, т.е. футурум предшествования, который характеризуется Е.И. Шендельс семами "будущее время", "предшествование или препозиция по отношению к другому действию" и "пресеченность действия" [Шендельс 1970]. Как уже отмечалось выше, "пресеченность действия" не означает "достижения действием внутреннего предела", а истечение временных рамок действия. Но в своей другой функции, а именно в функ-

ции обозначения гипотетического действия в прошлом, футурум II выражает законченное (завершенное) действие: *Er wird wohl gestern angekommen sein*. "Должно быть, он вчера *приехал*".

Плюсквамперфект также не обладает каким-либо видовым значением. В аспектуальном отношении он напоминает перфект, перенесенный в план предшествования в прошлом, который при предельных глаголах обычно выражает законченное действие, причем, по известным, описанным в германистике причинам, плюсквамперфект нередко чередуется с претеритом:

русс. Все это стало известно хутору, и что Евдокия не снесла черного позора, *наложила* на себя руки. (М. Шолохов).

нем. Alle im Chutor wußten davon, und Jewdokija *war* vor Scham über die Schändung aus dem Leben *geschieden*.

При неопределённых глаголах плюсквамперфект выражает незаконченность:

Thomas Mann *hatte* mich schon eine ganze Weile aus der Ferne und von "oben" *beobachtet*, bevor wir uns persönlich *kennenlernten* (K. Mann).

Итак, в немецком языке ни одна временная форма не может быть квалифицирована как видовая и лишь футурум II в гипотетической функции и перфект при употреблении для выражения предшествования в будущем имеют значение совершенного вида.

Как и во французском языке (при исключении из анализа сверхсложных времен), в немецком решающая роль при формировании видового значения принадлежит аспектуальной дихотомии "предельность – неопределённость". По степени же морфологической характеризованности способов действия немецкие глаголы занимают промежуточное положение между русским и французским языками. Относительно регулярный характер носит словообразовательное противопоставление фазовых способов действия – инхоативности и результативности.

Чем менее последовательно выражена видовая оппозиция в грамматическом строе языка, тем больше синтаксических структур участвуют в видовой организации высказывания (пропозиции). В немецком языке можно указать на определенную специализацию средств в выражении видовых значений. Видовое противопоставление в пропозиции проходит по линии кооперации темпоральных значений с таксисом. При наличии темпоральной локализованности ситуаций и предельном характере семантики предиката таксис предшествования и совершенность действия оказываются взаимосвязанными. При таксисе одновременности употребляются временные формы неопределённых глаголов; в немецком языке это обычно претерит. Однако помимо претерита немецкий язык для выражения одновременности, следовательно, процессности, длительности располагает словосочетаниями. Такого рода конструкции достаточно продуктивны и частотны. Они поддаются моделированию. Это следующие модели: *sein* (презенс, имперфект) + *an, auf, bei, in* (D) + Gerundivum (т.е. субстантивированный инфинитив). Одновременность может соотноситься с речевым моментом или с временной точкой или отрезком другого действия. *Ich bin gerade dabei, die Temperatur zu messen* (Die 1000 besten Witze der Welt).

Такого рода конструкции были названы Г. Мозером дуративными оборотами речи [Moser 1962: 42, 44].

В 70–80-е годы XX века вопрос выражения аспектуальных значений в сфере номинализаций снова стал предметом лингвистических дискуссий. В качестве номинала со значением длительности и многократности рассматривается субстантивированный инфинитив, получивший в некоторых исследованиях название Gerundivum. Как известно, в немецком языке номинализироваться может инфинитивная форма любого глагола в активе, пассиве и стative. Одни германисты в более категоричной форме, другие с некоторыми оговорками настаивают на существовании дихотомии "перфектность – имперфектность" в классе отглагольных имен, причем субстантивированный инфинитив достаточно однозначно выражает аспектуальное значение имперфективности (многократности, длительности и т.д.) [Schippa 1967: 59; Brinkmann 1962: 26;

weilmann 1975; Schäublin 1972; Esau 1973; Ullmer-Ehrich 1977; Мурысов 1991].

По своей продуктивности и частотности модель "перфект *an/auffin/bei* + субстантивированный инфинитив" в какой-то степени вытесняет причастие I, которое выражает одновременность и длительность действия. Действие при этом может быть однократным и многократным, но и в том и в другом случае оно является длительным.

Таксис одновременности. Одновременными считаются два действия, если может быть выявлен общий темпоральный отрезок их протекания, называемый А.В. Бондарко "срединым фиксируемым периодом" [Бондарко 1983: 118]. К другому важнейшему признаку одновременности двух действий относится то, что оба они (либо одно из них) являются процессными [Акимова, Козинцева 1987: 258]. Предложные конструкции одновременности всегда выражают процесс, на фоне и в рамках которого протекает действие финитного (главного, опорного) предиката. К подобным моделям относятся: "*bei/in/unter/während* + Nomina actionis", "*in/unter/während* + Nomina actionis", которые выражают "строгую (полную) одновременность"; см. о строгой (полной) и нестрогой (частичной) одновременности [Полянский 1987: 243 и сл.].

В темпоральном соотношении номинализованного и финитно-предикатного действия в немецком языке можно указать на следующие типы таксиса одновременности.

1. Одновременность двух процессов, при которой наблюдается их полное хронологическое тождество. Такого рода одновременность возможна как при наличии ситуации временной локализованности, так и временной нелокализованности. Темпоральная локализованность или нелокализованность действия номинализованной конструкции определяется соответствующими признаками опорного предиката. Однако конкретность действия номинализации частично может быть уточнена благодаря определенности его пациентива. Определенная референтность объекта номинализации создает предпосылки для временной локализованности выражаемой номинализованной конструкцией ситуации. При темпоральной локализованности действия номинализованной пропозиции она может быть трансформирована во временное придаточное предложение с союзами *während, indem, währenddessen, als*:

Beim Schreiben seines Artikels (≈ Als er seinen Artikel schrieb) hatte Kleist natürlich auch das angebliche Testament Peter des Großen im Sinn (Wochenpost).

Er ist Amerikaner: dachte ich *im Laufen* (Welt im Bild). Der Junge dachte *unter* stiller Anteilnahme der anderen eine Weile nach... (H. Kant).

2. Опорный предикат выражает целостный факт, лишь частично совпадающий с процессом, выражаемым номинализованной пропозицией:

Beim Vorstellen (≈ als sich Stille vorstellte) *hat* Stille ihren Dokortitel *weggelassen* (M. Brun).

So wie er vorher auf dem Sportplatz *beim Beobachten* des Hammerwerfens *auf die entscheidende Idee gekommen ist*, die ihn veranlaßte, auf das Dach zu steigen... (H. Kant) (ср. русск: Как тогда, на спортивном празднике, *при наблюдении* за метателем молота у него *блеснула* гениальная догадка...).

...Wirft *im Vorbeigehen* einem Blick in den Spiegel... (W. Steinberg).

3. На фоне номинализованного процесса опорный предикат выражает прерывистые акты действия:

...Es hatte verweinte Augen, *schluckte* manchmal *im Gehen* vor sich hin, aber es weinte nicht (K. Tucholsky). (В русском языке возможно противоположное, т.е. опорный предикат выражает процесс, в рамках которого проистекают прерывистые попутные действия: Вокруг с тревожным *всхлипыванием, бредовым бормотанием* спали солдаты).

Каким бы короткотечным, мгновенным ни было фоновое действие, выражаемое номинализацией, еще более короткотечным, мгновенным может быть действие опорного предиката:

Es schlug *beim Fallen* (als es fiel) unglücklich mit dem Kopf gegen einen Stein (Neue

Berliner Illustrierte).

Необходимо разграничивать таксис одновременности, выражаемой моделью "Prär. + Nomina actionis"), и значение прогрессива, в репрезентации которого участвует данная модель в качестве именного компонента предиката, выражающего независимый таксис одновременности в темпоральном комплексе с другим финитным предикатом, причем подобного рода прогрессив может фигурировать как в главном, так и в придаточном предложениях. В составе предиката-прогрессива функционирует только одна структурная реализация модели "Prär. + Nomina actionis": *sein + beifin/jan* + субстантивированный инфинитив:

Da war die Klasse im Hort schon *beim Anziehen*, als einem auffiel: Wo ist eigentlich Sandra? (Neue Berliner Illustrierte).

Mann könnte das rein für Werbe-Man ipulation halten, wenn nicht jüngste Untersuchungen gezeigt hatten, daß die nächste Welle *im Kommen ist*.

Als er frfib am Morgen vom Friseur zurückkam, *war* die Claire *am Aufstehen* (K. Tucholsky).

Не все предельные глаголы встречаются в симультанно-дуративных структурах. Например, нет случаев употребления в них герундивов глаголов моментального действия. Анализируя языковые проявления моментальности, Ю.Д. Апресян указывает: "Поскольку глаголы моментального действия всегда результативны, сочинительные цепочки с такими глаголами обозначают, как правило, последовательные, а не одновременные действия" [Апресян 1995: 228].

Темпоральная нелокализованность предполагает многократность, т.е. узуальность или всевременность (общевременность) двух одновременных действий. В таких случаях номинализации могут быть трансформированы в финитные конструкции с союзом *wenn*, указывающим на повторность, узуальность действия предиката. Основной сферой употребления темпорального союза *wenn* является выражение одновременности действий в прошлом. В состав финитно-предикатных трансформ подобного рода номинализаций легко могут быть включены наречия или темпоральные именные конструкции с итеративным значением, например, *immer*, *jedes Mal* и т.п.:

Wenn auch nur ein paar Groschen Trinkgeld in der Tasche klimperten, die *er beim Abliefern* eines Schrankes, eines Bettes oder auch eines Sarges (wenn er einen Schrank... ablieferte; *immer / jedesmal*, wenn er... ablieferte) erhalten hatte (F. Erpenbeck).

Особенно рельефно выражена узуальность действия номинализаций и финитных предикатов в тех случаях, когда номинализация находится в окружении финитных предикатов в сочетании с узуальным итеративным *wenn*, причем оба типа пропозиций синтаксически однородны:

Gerade von diesem Aufstieg hat er öfter geträumt, *wenn* der Fuß ihn *quälte* oder *beim Einschlafen* ($\approx$ jedes Mal wenn einnschlieft), *wenn er sich vorstellte*, wie schön das wäre: wieder mal eine richtige Kante, (M. Brun).

Номинализованные пропозиции с вневременным значением "на уровне познания" [Золотова 1973: 181] легко могут быть трансформированы в финитно-предикатные конструкции с союзом *wenn* в сочетании с неопределенным или обобщенно-личным местоимением *man*:

Und es fällt ihm, man muß beim Vorstellen ($\approx$ wenn man jemandem vorstellt) den Namen des weniger Geehrten, des Jüngeren, zuerst nennen (M. Brun).

Не всегда представляется возможным провести четкую грань между темпоральной нелокализованностью действий, связанных отношением одновременности, и действиями, связанными условными отношениями и отношениями одновременности – разновременности. При выражении таксиса одновременности номинализация сопровождается обычно предлогом *bei* и может быть трансформирована в предложение с союзом *wenn* нередко в сочетании с неопределенно-личным или обобщенно-личным местоимением *man*:

Madenwürmer kommen vor allem bei Kindern hin und wie vor. Wie gelangen sie in den

Organismus? (Neue Berliner Illustrierte).

Dr. Rother: Die Möglichkeit dafür besteht in vielerlei Situationen in die sich vor allem Kinder begeben. *Beim Spielen* im Schmutz der Straße (≈ wenn man im Schmutz der Straße spielt), *beim Essen* ungewaschenen Obstes (≈ wenn man ungewaschenes Obst ißt) oder *beim Außerachtlassen* grundsätzlicher hygienischer Anforderungen (≈ wenn man grundsätzliche hygienische Anforderungen außer Acht läßt). (Neue Berliner Illustrierte).

Beim genauen *Hinsehen* (≈ wenn man es genauer hinsieht) *merkt* man aber auch, daß dem Künstler jede Eindeutigkeit fernliegt (Süddeutsche Zeitung).

Условность семантики номинализованной пропозиции представляется бесспорной при опорном предикате в конъюнктиве:

Die Kosten waren unvertretbar hoch, und der Rumpf des Schiffs würde *beim Heben* auseinanderfallen (Neue Berliner Illustrierte).

При всей диффузности и разбросанности отражения видовых значений, в немецком языке имеется однозначное морфологическое средство выражения результативности – это пассив состояния (Zustandspassiv), называемый иногда также стативом. Мы солидарны с В.П. Недялковым и С.Е. Яхонтовым в том, что в общезыковедческом плане следует разграничивать два понятия: статив и результатив. Статив обозначает, по мнению В.П. Недялкова и С.Е. Яхонтова, состояние предмета, которое необязательно выражается с помощью специальной глагольной формы [Недялков, Яхонтов 1983: 7]. В любом языке могут быть представлены лексические единицы, обозначающие состояние предмета, например, глаголы *сидеть*, *спать*, *лежать* или даже прилагательные (*dry* "сухой" [Чейф 1975]).

Результатив в отличие от статива (состояния) представляет собой г р а м м а т и - ч е с к о е я в л е н и е. В немецком языке Zustandspassiv является членом глагольной залоговой парадигмы. "Различие между стативом и результативом, – пишут В.П. Недялков и С.Е. Яхонтов, – состоит в том, что статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же – одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние" [Недялков, Яхонтов 1983: 7]. С этой точки зрения, параллельное употребление в немецких грамматиках терминов "Zustandspassiv (пассив состояния)" и "Stativ" становится нежелательным, и впредь мы будем пользоваться термином "Zustandspassiv" или "результативный пассив". В немецком языке результативный пассив имеет омонимы: во-первых, имеет место формальное совпадение с активной формой перфекта (*ist* + Partizip II: *ist gekommen*), во-вторых, результативный пассив и результативный рефлексив имеют одинаковую грамматическую форму (*Sie verloben sich* → *Sie sind verlobt*; *Er regt sich auf* → *Er ist aufgeregt*) и т.д. О результативном пассиве мы можем говорить лишь в том случае, если данная конструкция имеет другие формы пассива (Vorgangspassiv). При отсутствии последних можно говорить о квазипассивных, или квазирезультативных структурах, к которым немецкие германисты относят, например, рефлексивные результативы (Zustandsreflexive), квазипассивные структуры (Zustandsreflexive), типа *Die Stadt wird / ist von 2 Millionen Menschen bewohnt* или *Die Stadt wird / ist von vielen Bergen umgeben* [Helbig, Buscha 1996: 178–179].

С точки зрения категории вида интерес представляет результативный пассив и результативный рефлексив. Обе формы имеют четкое видовое значение – завершенность, соответствующее пассивному залогу совершенного вида. Впрочем, некоторые лингвисты не без основания называют краткое причастие на *-n/-t* в русском языке формой стального вида страдательного залога [Гаврилова 1998: 99]. Разница, однако, между русским пассивом и статальным видом и соответствующими явлениями в немецком заключается в том, что в русском языке они являются по отношению друг к другу омонимами, а в немецком выражены различными грамматическими формами, ср.: Когда я вошел в комнату, окно было *открыто*, но я не знаю, когда оно было *открыто*. В немецком языке в первом случае статальная форма *открыто* передается формой результативного пассива (*Das Fenster war geöffnet*), а во втором случае –

формой перфекта пассива (*Das Fenster ist geöffnet worden*).

Результативный пассив выражает состояние, возникшее в результате достижения действием предела и исчерпанности самого действия, или, пользуясь удачным термином В.И. Гавриловой, он обозначает "постпредельное состояние" [Гаврилова 1998: 112].

В немецком языке *Zustandspassiv* представляет собой как бы редуцированную форму перфекта пассива и результатив от любого глагола (переходного) может быть преобразовано в перфект:

Ein Arzt und ein Anwalt *sind* zu einer Gesellschaft *eingeladen* (→ *sind eingeladen worden*).

Результативный рефлексив не допускает подобного преобразования и он может быть трансформирован только в активную структуру, ср. Sie *sind verlobt* → Sie *haben sich verlobt* (Они обручены → Они обручились).

Немецкий результатив образует полную морфологическую парадигму (инфинитив I и II: *gelernt sein* и *gelernt gewesen sein*, различаются трехчленный, двухчленный и безличный результатив и т.д.).

В английском языке статальное и акциональное значения, так же как и в русском, выражаются омонимичными формами: 1) "*to be* + Past Participle" (временная форма страдательного залога) и 2) "*to be* + Past Participle" (составное сказуемое, в котором глагол *to be* является глаголом-связкой, и Past Participle – именной частью составного сказуемого).

В немецком языке нередко статив встречается в редуцированном виде, т.е. без вспомогательного глагола *sein*:

Dann gab mir Kalfaktor zwei Brote mit Margarine an Stelle des Mittagessens in graues Packpapier *gewickelt* ≈ Margarine, die in graues Packpapier *gewickelt war* (G. Weisenborn).

От редуцированного результата следует различать имплицитный результатив, который обусловлен контекстом и может эксплицироваться при переводе с одного языка на другой. При этом эксплицитный и имплицитный результативы могут чередоваться, ср.

русс. Он стоял возле лежанки, *заложив* руки за спину... (М. Шолохов).

нем. Er stand neben der Ofenbank, *die Hände auf dem Rücken*...

русс. ...Закричала хозяйка, выбежав на крыльцо, *руки в бока*... (М. Шолохов).

нем. Tits Frau kam herausgelaufen und blieb auf der Treppe stehen, *die Hände in die Hüften gestemmt*.

Видовые значения в татарском языке не находят такого симметричного и последовательного выражения, как это представлено в глагольной парадигматике русского языка. Если видовое противопоставление в русском языке образует своего рода гиперпарадигму, детерминирующую словоизменительную и формообразующую систему глагола, то в татарском языке вид занимает подчиненное положение по отношению к категории времени. Если в русском языке вид выступает в качестве одного из компонентов аспектуально-таксисно-темпорального комплекса, то в татарском языке данный семантический комплекс включает четвертый компонент "эвиденциальность-неэвиденциальность", т.е. "очевидность-неочевидность", который является одной из причин большого количества грамматических времен в тюркских языках вообще и в татарском в частности. Темпоральная система татарского глагола конституируется 18 формами, из которых 9 отнесены в ТГ к временным формам как таковым, 5 групп форм получают название *п е р и ф р а с т и ч е с к и х ф о р м с в р е м е н н ы м з н а ч е н и е м* и 4 конструкции определяются как формы ограниченного употребления [ТГ 1997: 125–135]. При этом в разных грамматиках число и номенклатура могут варьироваться или то, что отнесено к разряду перифрастических форм в татарском языке, может рассматриваться как собственно временная форма в других тюркских языках. Разумеется, при их полном совпадении в принципе морфологического оформления и функциональном плане. Например, форма на - *кан булган* (*жайткан булган* "вернулся (к тому времени)", называемая в ТГ перифрастической формой с

временным значением, квалифицируется в ГСБЛЯ как предпрошедшее неопределенное время [ГСБЛЯ 1981].

Картина отражения категории вида в татарском языке асимметрична, т.е. нет расслоения каждой временной формы по видовому значению. Татарские временные формы с точки зрения выражения видовых значений могут быть разделены на две группы:

1. Временные формы обладают **абсолютным видовым значением**. Особенно однозначны в этом отношении формы, выражающие длительность и многократность, т.е. те аспектуальные значения, которые находятся в ведении русского НСВ. Видовое значение находит свое отражение в самих названиях этих временных форм: незаконченное прошедшее время, многократное прошедшее время, и ряд перифрастических форм: имперфектное неочевидное (форма на *-а – булган*), прошедшее многократное неочевидное (форма на *-а – торган булган*).

Значение завершенности действия обычно передается преждепрошедшим временем и перифрастическими формами с временным значением: *булыр (кайткан булыр* "к тому времени уже придет"), *-кан / -ган булачак* (то же значение, что и у первой формы, но с большей категоричностью, убежденностью осуществления действия). Значение завершенности действия выступает в комбинации с значением таксиса предшествования в прошедшем и будущем. Они в этом отношении схожи с футурумом II и перфектом в функции выражения предшествования в будущем в немецком языке.

2. Временные формы, видовые значения которых находятся в прямой зависимости от аспектуальной дихотомии "предельность-непредельность". Эти временные формы образуют, таким образом, слабый член по отношению к тем временным формам, которые обладают абсолютным аспектуальным значением, в особенности значением НСВ. Таковыми являются прошедшее категорическое (в некоторых грамматиках: определенное прошедшее время, очевидное прошедшее время), формальным показателем которого является грамматический аффикс *-ды / -ты* (*алды* "взял, брал", *кайтты* "вернулся"), прошедшее результативное (иногда: прошедшее неочевидное, неопределенное и т.п.): форма получает грамматическое оформление с помощью аффикса *-кан / -ган* (*алган* "взял, брал", *кайткан* "вернулся"). Обе временные формы выражают действие, относящееся к плану прошедшего, но различаются между собой прежде всего по признаку "эвиденциальность / неэвиденциальность". Видовое противопоставление этих двух форм практически невозможно, хотя тюркологи называют вторую форму результативным прошедшим. Эти две формы напоминают в видовом отношении перфект немецкого, Present Perfect английского и *passé simple / passé composé* французского языка. Как и все перечисленные формы, значение СВ и НСВ у анализируемых форм в татарском языке могут быть уточнены только при привлечении факторов среды. Уместными здесь представляются слова А.В. Бондарко о характере взаимодействия системных значений грамматических форм с контекстом: «Форма СВ "идет в контекст" с инвариантным значением, которое лишь конкретизируется и модифицируется контекстом (и шире – средой). Иной характер имеет семантический потенциал формы НСВ. Она не имеет инвариантного положительного значения... Реализация семантического потенциала НСВ определяется активным воздействием лексики, контекста и речевой ситуации» [Бондарко 1998: 71]. В татарском языке соотношение членов видовой оппозиции по характеру маркированности / немаркированности имеет противоположную картину, т.е. сильным членом являются формы НСВ, выражаемые специальными временными формами (незаконченным прошедшим, многократным прошедшим и т.д.), которые оказывают активное воздействие на среду. Более того, значения вышеназванных форм татарского глагола никак не могут быть модифицированы в видовом отношении под воздействием контекста. Значения длительности, многократности этих форм абсолютны. Иную картину представляют прошедшее категорическое и прошедшее результативное. Любая из этих форм может выражать как совершенное, так и законченное, не совершенное действие. Подчеркнем еще раз: важнейшим фактором формирования видового значения вышеуказанных

форм является аспектологическая характеристика глагольных основ по признаку "предельность-непредельность". Значительную роль в оформлении аспектуальной характеристики фразы играют многочисленные "аспектуальные спецификаторы". Особенно многочисленные спецификаторы длительности: *көн-төн* "круглые сутки", *озак* "долго", *күп* "много", *елдан-елга* "из года в год" и т.п. [Ганиев 1963; Салехова 1978].

Видовое значение форм татарского глагола сопряжено с такими категориальными семантическими признаками, как такис – предшествование и одновременность. Так, незаконченное прошедшее нередко обозначает действие, одновременное другому действию или другому временному моменту (точке) и наличие таксиса одновременности само по себе уже исключает значение совершенности. Рассматривая категорию вида татарского глагола "в зеркале" глагольной системы европейских языков, можно констатировать, что она частично как бы копирует фрагменты английской видо-временной системы (наличие специальной формы для выражения одновременности, но только в плоскости прошедшего), частично соприкасается с категорией перфектности в европейских языках, т.е. предшествования, которая имеет определенные последствия для формирования аспектологических значений временных форм и, безусловно, наличие временных форм с невыраженным аспектуальным значением и характер формирования их видовых значений в зависимости от аспектологической дихотомии "предельность-непредельность" сближает видо-временную систему татарского языка с таковой английского, немецкого и французского языков.

Видовое противопоставление временных форм в основном имеет место в прошедшем, потому что, как отмечает А.И. Мельчук, "в прошедшем времени различается, как правило, больше глагольных категорий, чем в будущем: прошедшее воспринимается более отчетливо, с большим количеством деталей" [Мельчук 1998: 67]. Область настоящего репрезентируется только одной, в видовом отношении нейтральной формой.

Помимо временных и перифрастических форм, грамматичность которых не вызывает сомнений, в татарском языке, как и в других тюркских языках [Юлдашев 1965], имеется значительное число структур (словосочетаний), уровневый статус которых в течение десятилетий был предметом лингвистических дискуссий. По мнению А.А. Юлдашева, в тюркских языках можно выделить по меньшей мере 15 аналитических форм вида: 1) -*н* -*ят*-, 2) -*н* *отур*-, 3) -*н* *тур*-, 4) -*н* *йур*-, 5) -*а* (-*й*) *тур*-, 6) -*н* *бар*-, 7) -*н* *кел*-, 8) -*а* *бар*-, 9) -*а* *бер*-, 10) -*н* *чык*-, 11) -*н* *ал*-, 12) -*н* *йибәр*, 13) -*н* *ташла*, 14) -*н* *кет* [Юлдашев 1965], большинство из которых представлено и в татарском языке. При употреблении термина "аналитические формы" применительно к вышеназванным следует проявлять осторожность. Все глаголы, функционирующие в составе этих структур в качестве их константных компонентов (в этом они действительно напоминают грамматические форманты), коррелируют с "омонимичными" полнозначными самостоятельными глаголами: *яту* "лежать", *тору* "стоять", *бару* "ходить", *киту* "уходить", *жибәру* "отправлять, отпускать" и т.п. Их нельзя смешивать с классическими аналитическими временными формами, внутрисинтагматические отношения между частями которых соответствуют пониманию грамматических аналитизмов, принятому в индоевропейских языках: они образуют грамматические единства, интегрируемые на равных с синтетическими (внутренними и внешними) формами правах в единую морфологическую парадигму части речи. Вспомогательный глагол в качестве обязательного компонента аналитической временной формы полностью десемантизирован и функционально равен грамматической флексии. Они относятся к ядру грамматической категории также в плане охвата лексики.

В рамках данной статьи не представляется возможным привести возможные *pro et contra* признания вышеперечисленных структур как видовых аналитизмов. Судя по последним исследованиям по данной категории в татарском и башкирском языках, лингвисты склонны рассматривать их либо как формы языковой репрезентации наибо-

лее обобщенных способов действия [ТГ 1997], либо они включаются в раздел словообразования [БСГЛЯ 1981].

А.А. Юлдашев, посвятивший данной проблеме специальное монографическое исследование, дает противоречивые ответы на вопрос о том, можно ли для тюркских языков выделить категорию, сходную с категорией вида русского глагола: "На этот вопрос нельзя дать категорического ответа, ни положительного, ни отрицательно-го", – пишет А.А. Юлдашев. Однако тут же читаем: "В тюркских языках вид в значительной мере грамматикализован" [Юлдашев 1965: 41] и далее: "...материал тюркских языков дает больше оснований для утверждения грамматической категории вида, чем для ее отрицания" [Там же: 42]. Д.М. Насилов считает, что «аналитические конструкции в составе "деепричастие + вспомогательный глагол" являются в тюркских языках морфологическим средством выражения способов глагольного действия», хотя, как отмечает автор, "уровень спаянности компонентов модели может колебаться в известных пределах, что и вызывает споры о грамматическом статусе отдельных образований" [Насилов 1984: 130].

С одной стороны, анализируемые конструкции в татарском языке весьма близки к грамматическим аналитизмам в индоевропейских языках в плане десемантизации вспомогательного компонента, с другой стороны, не свойственная грамматическим аналитизмам дробность, т.е. исключительная ограниченность охвата лексического материала. Лишь относительно небольшая часть глаголов могут образовать подобного рода "аналитизмы". Кроме того, большинство этих конструкций обозначают не столько значение совершенности / несовершенности действия, сколько фазовые значения инхоативности, длительности, кратности и результативности: ср.: *йоклады* "спал" – *йоклап китте* "заснул", *уянды* "проснулся" – *уяным китте* "проснулся", *кычкырды* "кричал, крикнул" – *кычкырып жиберде* "закричал", *аварды* "болел" – *авырып китте* "заболел".

Примеры: русск. И уснул сразу, едва лишь коснулся щекой прохладной, пахнувшей пером подушки (М. Шолохов).

татарск. Каз мамыгы исе аңкып *торган* салкынча мендэргэ башын кую белэн үк *йоклап китте*.

руссск. *Открылись* широкие двери конюшни.

татарск. Ат абзарларының киң ишекларен *ачып жиберделәр*. (Г. Әпсәләмов).

руссск. Чем ближе Газинур подходил к правлению, тем медленней становился его шаг, глубже уходила в плечи голова.

татарск. Правлениегә якынлашкан саен, Газинурның адымнары әкрәнә, башы иңнәрәнәк тирәнрәк *бата барды*. (Г. Әпсәләмов).

Несмотря на довольно высокую степень десемантизации функциональных глаголов, выступающих в роли вспомогательных в составе словосочетаний с видовым значением, крайне ограниченный охват лексики не позволяет рассматривать их как грамматические аналитизмы.

Кроме того, эти структуры грамматически ущербны. Они не образуют форм страдательного и взаимного залогов, многие из них не имеют форм повелительного и долженствовательного наклонений, возможны не все временные формы и т.д. и т.п.

Что касается видового значения анализируемых словосочетаний, следует обратить внимание также на то, что сообщаемые словосочетаниями и функциональными глаголами аспектуальные признаки содержатся в их семантике как самостоятельных лексических единиц: либо они выражают состояние покоя (*яту* "лежать", *тору* "стоять", *утыру* "сидеть"), либо движение с неопределенным значением (*йөрү* "ходить", *бару* "ходить"), либо действия с указанием предела (т.е. предельные глаголы) (*чыгу* "выходить", *ташлау* "бросить", *китү* "уходить" и т.п.). Таким образом, вторые компоненты модифицируют видовое значение "основного" глагола, употребляющегося в деепричастной форме.

Как показывает опыт исследования грамматического строя разных языков, грамматическая категория в формальном плане конституируется так называемыми "жесткими моделями" [Ярцева 1968]. Постулирование понятия "жесткой модели" предполагает наличие словосочетаний, которые не могут быть отнесены к морфологическим (парадигматическим) моделям, но характеризуются достаточно устойчивой (стабильной) структурой, которые могут рассматриваться как модели словосочетаний, назначение которых состоит в выражении семантического признака уровня грамматической категориальности, но не достигшие полной грамматикализации. Такого рода структуры прослеживаются во многих языках, ср. англ.: "(to) he + Past Participle", "(to) he + Infinitive"; нем. "sein + in / an / bei / auf (D) + субстантивированный инфинитив"; франц. "être en train de + infinitif" и т.д. На наличие аналогичных структур указывают также специалисты по испанскому и итальянскому языкам [Гусман 1998: 151–155]. Всем этим структурам присуще аспектуальное значение длительности в сочетании с таксисом одновременности. О.И. Москальская подобного рода структуры квалифицировала как словосочетания с грамматической направленностью [Москальская 1961].

Сопоставительное изучение категории аспектуальности на материале разных языков позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. По характеру выражения временными формами видовых значений языки могут быть сгруппированы следующим образом:

а) Языки, в которых всем временным формам присуще регулярное видовое противопоставление, например, СВ – НСВ в русском языке.

б) Языки, в которых одни формы противопоставлены другим формам лишь по одному видовому признаку, причем, в последних видовой признак не выражен, например, оппозиция, длительный вид – общий вид в английском языке.

в) Языки, в которых абсолютным видовым значением обладают лишь отдельные временные формы, противопоставляемые другим нейтральным в видовом отношении формам, например, сверхсложные времена во французском языке по отношению к первичным сложным временам, прошедшее незаконченное время, прошедшее многократное и ряд перифрастических форм с временным значением, противопоставляемые прошедшему категорическому и прошедшему результативному временам в татарском языке.

г) Языки, в которых ни одна временная форма в полном функциональном объеме не обладает однозначной видовой характеристикой, например, временные формы немецкого языка.

д) Языки, в которых временные формы обнаруживают сильную тенденцию к выражению того или иного видового значения: 1) длительности и многократности: *imparfait* во французском, претерит (имперфект) в немецком; 2) завершенности действия: *passé simple*, *passé composé*, *passé antérieur*, *futur antérieur*, *plus-que-parfait* во французском; *Futurum II*, *Perfekt*, *Plusquamperfekt* в немецком; *Present Perfect*, *Futute Perfect*, *Past Perfect* в английском языке; прошедшее результативное, предпрошедшее время и ряд перифрастических форм с временным значением в татарском языке.

2. По характеру взаимодействия категории вида с другими грамматическими категориями можно указать на следующие их комбинации:

а) Видовое значение сопряжено с таксисом: 1) одновременности во всех временных планах (признак одновременно не является облигаторным), например, форма НСВ в русском языке; 2) одновременности во всех временных планах с обязательной комбинацией с видовым признаком длительности, например длительный вид в английском языке; 3) одновременности в прошедшем временном плане (одновременность не всегда облигаторна), например, прошедшее незаконченное в татарском языке; 4) предшествования в сочетании с завершенностью действия в плане прошедшего, например, сверхсложные времена во французском, предпрошедшее время в татарском языке.

б) Видовое значение никак не связано с таксисом, например, прошедшее многократное в татарском и формы НСВ в русском языке.

Аспектуальное значение грамматической формы может также взаимодействовать с

категорией модальности. Так, например, на целый ряд модальных значений, которые "спаяны" с определенными аспектуальными значениями в русском языке указывает О.К. Грекова [Грекова 1998: 134]. В отдельных случаях констатация близости, доверия свойственна длительному виду в английском языке [Александрова, Комова 1998: 114].

3. С точки зрения характера маркированности / немаркированности членов видовых оппозиций можно указать на следующее соотношение: 1) форма СВ представляет собой сильный (маркированный) член по отношению к своему противочлену: русский и французский языки; 2) маркированным членом является форма, выражающая длительность, многократность (т.е. эквиваленты НСВ русского языка), например, формы длительного вида в английском, прошедшего незаконченного и прошедшего многократного в татарском языке.

4. Кроме временных форм видовые значения находят свое выражение в устойчивых словосочетаниях с грамматической направленностью во всех временных планах: так называемые многочисленные аналитические конструкции с аспектуальными значениями завершенности и длительности (многократности) в татарском, полуграмматизованные конструкции со значением длительности (итеративности) в сочетании с таксисом одновременности в немецком, с аспектуальными значениями длительности в сочетании с таксисом одновременности, а некоторые с фазисными аспектуальными значениями инхоативности и результативности во французском языке.

5. Видовые значения в сочетании с таксисами одновременности и предшествования могут быть выражены также неличными формами глагола в русском, английском, немецком, французском и татарском языках (см. об этом [Мурясов 2000]).

6. Вид в английском языке должен рассматриваться в двух измерениях: 1) в плане противопоставления длительного вида общему виду, а общий вид, в свою очередь, в плане выражения металингвистической эталонной оппозиции завершенности (СВ) и незавершенности действия (НСВ). В первом случае имеет место грамматическое выражение вида, а во втором случае видовая оппозиция становится диффузной и ее члены характеризуются, как и видовая оппозиция в немецком, французском и татарском языках, более или менее рельефно выраженной тенденцией к обозначению того или иного видового значения. Например, перфектные формы, специализировавшиеся в выражении таксиса предшествования, характеризуются тенденцией к обозначению завершенного действия.

7. В формировании видового значения временных форм английского, немецкого, французского и татарского языков, нейтральных в аспектуальном отношении в своих системно-парадигматических значениях, решающая роль принадлежит универсальной аспектологической дихотомии "предельность - не предельность". Одновременно аспектуальный признак "предельность" не обязательно во всех контекстах предполагает значение завершенности действия. В прагматических целях не только неопредельный глагол может быть употреблен в аспектуальной ситуации НСВ, что для русского языка явление типичное. Даже соответствующее отглагольное имя от НСВ может преследовать аналогичную цель, ср.:

Так он *умирал* в созданных им страхе и показухе (Э. Радзинский).

Меня и сейчас, спустя четверть века, терзает любопытство: как это у м и р а н и е произошло на самом деле (К. Симонов).

8. При аспектологической характеристике глагольной системы разных языков необходимо разграничивать два взаимопересекающихся аспектологических понятия – законченность и завершенность действия. Законченность предполагает также определенный предел, но данный предел представляет собой временной отрезок, в рамках которого осуществлялось то или иное действие, но сами эти временные рамки расположены в плане прошлого и соответствующее действие не имеет своего продолжения. Одновременно и нет указания на достижение действием своего внутреннего предела. Подобного рода действие, без указания на его внутреннюю целостность

или нецелостность, имеет фактическое значение (ср. факты, сообщаемые совершенными или несовершенными формами английского, немецкого, французского языков и некоторыми формами татарского языка). Целостность / нецелостность выявляются в соответствующих диагностирующих контекстах с помощью в аспектуальном отношении "чувствительных" адвербиальных слов и словосочетаний. Ср., например, возможность комбинирования совершенных и несовершенных форм английского, немецкого, французского и татарского языков с пердуративными адвербиалами, и невозможность такого рода комбинаций с формой СВ в русском языке.

9. Транспозиции прошедших времен в план будущего с таксисной функцией предшествования сопровождается приобретением ими значения завершенности действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Т.Г., Козинцева Н.А. 1987 – Зависимый таксис // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Александрова О.В., Козова Т.А. 1998 – Modern English grammar: Morphology and syntax. М., 1998.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Аракин В.Д. 1989 – Сравнительная типология английского и русского языков. М., 1989.
- Бенвенист Э. 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.
- Бондарко А.В. 1976 – Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А.В. 1983 – Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко А.В. 1987 – Аспектуальность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Бондарко А.В. 1996 – Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Бондарко А.В. 1998 – Проблемы инвариантности / вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Брой В. 1998 – Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист: имперфект: перфект) на основе взаимодействия с лексикой // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Вежицкая А. 1999 – Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Гаврилова В.И. 1998 – Краткое причастие на -н / -т как форма стательного вида страдательного залога // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гак В.Г. 1989 – Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.
- Гак В.Г. 2000 – Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
- Ганиев Ф.А. 1963 – Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963.
- Гловинская М.Я. 1998 – Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Грекова О.К. 1998 – О собственно аспектуальной, модально-аспектуальной и модальной семантике видового противопоставления // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- Гуревич В.В. 1998 – Видовая семантика в русском и английском языках // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гусман Т.Р. 1998 – Функционально-семантическое поле аспектуальности в русском и испанском языках: опыт функциональной грамматики // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Закиев М.З. 1971 – Современный татарский литературный язык. М., 1971.
- Иванова И.П. 1961 – Вид и время в современном английском языке. М., 1961.
- Илия Л.И. 1964 – Грамматика французского языка. М., 1964.
- Иртеньева Н.Ф. 1956 – Грамматика современного английского языка. Теоретический курс.

- М., 1956.
- Кацнельсон С.Д. 1972 – Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Маслов Ю.С. 1984 – Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Мельчук И.А. 1998 – Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. Москва; Вена, 1998.
- Мурашов Р.З. 2000 – Неличные формы глагола в контрастивно-типологическом видении // ВЯ. 2000. № 4.
- Насилов Д.М. 1984 – Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
- Недялков В.П., Яхонтов С.Е. 1983 – Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Павлов В.М. 1984 – Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике "временных форм" немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
- Пицкова Л.П. 1982 – Грамматическая категория вида в современном французском языке. М., 1982.
- Полянский С.М. 1987 – Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.
- Реферовская Е.И. 1984 – Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
- РГ 1980 – Русская грамматика. М., 1980.
- Салехова Н.Х. 1978 – Средства выражения временной и аспектуальной характеристики действия в их отношении к категории времени татарского глагола // Очерки по морфологии татарского глагола. Казань, 1978.
- Смирницкий А.И. 1959 – Морфология английского языка. М., 1959.
- ТГ 1997 – Татарская грамматика. Ч. II. Морфология. Казань, 1997.
- Тихонов А.Н. 1998 – Видовые корреляции в современном русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Холодович А.А. 1979 – Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чейф У.Л. 1975 – Значение и структуры языка. М., 1975.
- Черткова М.Ю. 1996 – Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Шендельс Е.И. 1970 – Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
- Юлдашев А.А. 1965 – Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- Ярцева В.Н. 1968 – Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. М., 1968.
- Andersson S.-G. 1972 – Aktionsart im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem // Die Kategorien Aspect und Aktionsart im Russischen und Deutschen. Uppsala, 1972.
- Bache C. 1982 – Aspect and Aktionsart: towards a semantic distinction // Journal of linguistics. 1982. 18.
- Balin F.A., Žerebkov V.A. 1973 – Aspektuell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen // Linguistics. 1973. 117.
- Beck G. 1987 – Verb – Satz – Zeit. Zur temporalen Struktur der Verben im Französischen. Tübingen, 1987.
- Blickensdörfer H. 1981 – Der große Tag. München, 1981.
- Brinkmann H. 1962 – Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962.
- Cate P. 1985 – Aspektualität und Nominalisierung. Frankfurt-am-Main; Berlin; New York, 1985.
- Comrie B. 1976 – Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Deutschbein M. 1939 – Aspekte and Aktionsarten im Neuenglischen // Neuphilologische Monatsschrift. 1939. Hf. 10.
- Duden 1984 – Duden. Bd 4: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.
- Eisenberg P. 1994 – Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart; Weimar, 1994.
- Erben J. 1972 – Deutsche Grammatik: Ein Arbiss. München, 1972.
- Esau H. 1973 – Nominalization and complementation in modern German. Amsterdam, 1973.

- Grundzüge 1981 – Grundzüge einer deutschen Grammatik // Hrsg. von Heidolph K.E., Flämig W. und Motsch W. Berlin, 1981.
- Guillaume G.* 1969 – Langage et science du langage. Paris; Québec, 1969.
- Helbig G., Buscha J.* 1996 – Deutsche Grammatik. Leipzig, 1996.
- Išačenko V.A.* 1968 – Die russische Sprache der Gegenwart. Tl. 1: Formenlehre. 2. unveränderte Aufl. Halle / Saale, 1968.
- Klein R.G.* 1984 – Tempus, Aspekt, Aktionsart // Romanistische Arbeitshefte. 1984. 10.
- Knobloch J.* 1961 – Sprachwissenschaftliches Wörterbuch. Heidelberg, 1961.
- Laflèche R.* 1973 – Étude psychosystématique sur les valeurs aspectives des temps du passé français // Revue des langues romanes. T. 80. Montpellier, 1973.
- LG 2000 – Longman grammar of spoken and written English. London, 2000.
- Lyons J.* 1977 – Semantics. 1–2. Cambridge, 1977.
- Mann K.* 1975 – Meine ungeschriebenen Memoiren. Berlin, 1975.
- Moser H.* 1962 – Zur Situation der deutschen Gegenwartssprache // Studium generale. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1962.
- Renicke H.* 1961 – Grundlegung der neuhochdeutschen Grammatik // Wort und Satz. Berlin, 1961.
- Schäublin P.* 1972 – Probleme des adnominalen Attributs in der deutschen Sprache der Gegenwart. Morphosyntaktische und semantische Untersuchungen. New York; Berlin, 1972.
- Schippan Th.* 1967 – Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habilschrift, 1967.
- Ullmer-Ehrich V.* 1977 – Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen. Kronberg, 1977.
- Wellmann H.* 1975 – Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache: Das Substantiv. Düsseldorf, 1975.